

MK 225D

MOUSSORGSKY
BORIS GODOUNOV

BOLSHOI THEATRE
CHORUS AND ORCHESTRA
CONDUCTED BY
A. MELIK-PASHAYEV

Chœur de Chœur.

М. П. МУСОРГСКИЙ
«БОРИС ГОДУНОВ»

M. P. MOUSSORGSKY
"BORIS GODUNOV"

M. P. MOUSSORGSKY
«BORIS GODOUNOV»

LIBRETTO

V/O "MEZHDUNARODNAYA KNIGA"

Moscow 200 USSR

Мусоргский «БОРИС ГОДУНОВ», опера
Д 05836-43

СЛУШАЙТЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ МАСТЕРА СОВЕТСКОГО
ВОКАЛЬНОГО ИСКУССТВА Б. ГМЫРЮ

Д 06987-88 А. Даргомыжский. Романсы Б. Гмыря
Д 8749-50 Романсы русских композиторов
Д 5646-47 Арии из опер
Д 005250-51 Романсы русских и советских композиторов

Moussorgsky. "BORIS GODUNOV", opera
Д 05836-43

LISTEN TO THE OUTSTANDING MASTER OF SOVIET
VOCAL ART BORIS GMYRYA!

Д 06987-88 А. Dargomyzhsky. Romances sang by B. Gmyrya
Д 8749-50 Romances by Soviet Composers
Д 5646-47 Arias from Operas
Д 005250-51 Romances by Russian and Soviet Composers

Moussorgsky. «BORIS GODOUNOV», l'opéra
Д 05836-43

ECOUTEZ LE GRAND MAITRE DE L'ART VOCAL
SOVIETIQUE BORIS GMYRYA!

Д 06987-88 А. Dargomyjski. Mélodies interprétée par Boris
Gmyria
Д 8749-50 Mélodies des compositeurs russes
Д 5646-47 Airs d'opéras
Д 005250-51 Mélodies des compositeurs russes et soviétiques

М. П. Мусоргский

БОРИС ГОДУНОВ

Народная музыкальная драма в 4-х действиях

«Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей. Это моя задача. Я попытался разрешить ее в опере». Так Мусоргский определил идейный замысел своей оперы «Борис Годунов».

Народу — главному действующему лицу в опере — противостоят царь Борис и бояре. Это две непримиримые силы, в столкновении которых рождается основной драматический конфликт всего произведения: лишенный поддержки и доверия народа царь Борис должен погибнуть, к этому ведет все музыкально-драматическое развитие оперы. Ее революционный замысел особенно ярко проступает в финальной картине — в гениальной сцене народного восстания под Кромами. Как взрыв народного негодования против Бориса и «борисовских щенков», в которых народ видит главных виновников всех бедствий, несется, сметая все на своем пути, могучая песня об удали молодецкой и мятежной силе народной.

Даже после оперы Глинки «Иван Сусанин» было неслыханным так правдиво показать на оперной сцене народную крестьянскую массу и отвести ей в построении оперного действия такое значительное место, как это сделал Мусоргский в своем «Борисе». Впервые в русской опере зазвучали жалобы угнетенного народа, его стоны, его революционная ярость.

Мысль написать оперу на сюжет одноименной исторической драмы А. С. Пушкина подал Мусоргскому его друг и почитатель, профессор, преподаватель русской словесности и истории В. В. Никольский. Это было в 1868 году. К этому времени в творчестве Мусоргского уже отчетливо обозначились его тяготение к изображению русской народной жизни и его великий демократический талант художника-реалиста. С необычайным пылом ухватился композитор за предложенный ему сюжет исторической оперы. Одновременно с сочинением музыки Мусоргский (писавший в основном сам и либретто оперы) ушел с головой в изучение исторических материалов эпохи. В этом ему большую помощь оказал В. В. Стасов. Он

разыскивал для своего любимца тексты народных песен, снабжал его сведениями из различных исторических источников, давал ценные конкретные советы.

В октябре—ноябре 1869 года опера была окончена (она заканчивалась в то время сценой смерти Бориса), а через несколько месяцев инструментована. Однако представленная композитором на суд театральной дирекции опера была забракована.

По настоянию друзей Мусоргский вновь принялся за оперу и основательно ее переделал. Помимо многочисленных мелких вставок и добавлений, в оперу были внесены сцена у Марины Мнишек в Сандомире, сцена у фонтана и сцена народного восстания под Кромами. Существенные изменения претерпела сцена в царском тереме, значительно расширенная. По сравнению с первоначальной редакцией в нее вошли новые эпизоды, рисующие быт царского терема, заимствованные Мусоргским из «Истории государства российского» Н. М. Карамзина (песня мамки «про комара», «игра в хлѣст», рассказ Федора о попке, знаменитые куранты); переработке подверглись и те эпизоды, которые ранее входили в первую редакцию (музыка вступительного плача Ксении, монолог Бориса). Из первого варианта оперы в ее вторую редакцию не вошла лишь сцена у собора Василия Блаженного.

Вторично представленная в театр опера была снова отвергнута, и только благодаря артистке Ю. Платоновой, поставившей условием своего пребывания в театре постановку «Бориса Годунова», оперу разрешили. Премьера состоялась 27 января 1874 года на сцене Мариинского театра в Петербурге. Еще до этого три картины оперы: «Сцена в корчме», «Сцена в будуаре у Марины» и «Сцена у фонтана» были даны в том же театре в бенефис режиссера Г. П. Кондратьева.

На сцене Большого театра в Москве «Борис Годунов» впервые был поставлен уже после смерти Мусоргского в 1888 году. По установившейся традиции опера шла без сцены в келье и без сцены под Кромами.

В 90-х годах Н. А. Римский-Корсаков заново отредактировал и переклассифицировал оперу. В сезон 1898—1899 гг. она была поставлена в Москве в частном театре С. И. Мамонтова. Декорации были написаны по эскизам К. Коровина, в постановку была впервые включена сцена в келье. Успеху оперы в значительной степени способствовал Ф. И. Шаляпин, исполнявший роль Бориса.

В СССР «Борис Годунов» ставится почти во всех оперных театрах. Настоящая грамзапись воспроизводит оперу в том виде как она исполняется в Большом театре. Опера идет в редакции Римского-Корсакова, но с перестановкой двух последних картин — сцена смерти Бориса и сцена народного восстания под Кромами — согласно замыслу Мусоргского. Кроме того, в оперу включена отсутствующая у Римского-Корсакова сцена перед собором Василия Блаженного, инструментованная М. М. Ипполитовым-Ивановым.

ПРОЛОГ

Картина первая

Еще до поднятия занавеса в оркестре звучит протяжная, гнетущая скорбная мелодия, мелодия забытого и обездо-

ленного народа. У Ново-Девичьего монастыря собирается народ небольшими кучками; движения людей вялы, походка ленива. Никто толком не знает, зачем их сюда пригнали. Но вот сопровождаемый тупым и понукающим мотивом («мотив принуждения») показывается пристав. Угрожая дубинкой, он приказывает народу на коленях молить Бориса вступить на царство. Народ жалобно причитает: «На кого ты нас покидаешь, отец наш». У наблюдательного, но bestолкового Митюхи спрашивают: «Митюх, а Митюх, чего орем» — «Вона, почем я знаю». Новый окрик пристава заставляет толпу вновь завывать во всю глотку. «И вздохнуть не даст, проклятый» — жалуются втихомолку бабы.

В воротах монастыря появляется думный дьяк Щелкалов. Обращаясь к народу, он говорит о решительном желании Бориса стать царем: «Неумолим боярин!.. Печаль на Руси... Печаль безысходная...».

...Издали доносится пение калик перехожих. «Святые старцы» призывают народ «облекаться в ризы светлые» и «выходить царю во сретенье».

Картина вторая

Площадь в Московском Кремле. Трезвонят колокола. Народ на коленях подневольно величает нового царя: «Уж как на небе солнцу красному — слава!» На паперти Успенского собора появляется Борис Годунов. Невольный страх, зловещее предчувствие сковали его сердце. Ими дышит каждая интонация его царственного монолога («Скорбит душа...»). Картина заканчивается торжественным обрядом коронации.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Старец Пимен пишет перед лампадой. В углу спит молодой чернец Григорий. Небольшое инструментальное вступление, похожее на ночной шорох, воспроизводит однообразный скрип пера монаха-летописца: «Еще одно последнее сказанье и летопись окончена моя...» Начинает светать. За сценой слышится пение монахов. В волнении просыпается Григорий. «Все тот же сон, проклятый сон» — будто он взбирается по крутой лестнице, с высоты которой виделась ему Москва — всю ночь не давал ему покоя. «Младая кровь играет» — успокаивает его старец. Стараясь заглушить честолюбивые помыслы юноши, Пимен рассказывает ему о царях, которые часто меняли «свой посох царский на иноков клобук смиренный». Григорий больше всего интересуется смертью царевича Димитрия. «Он был бы твой ровесник и царствовал...» — при этих словах Григорий вздрагивает — в нем уже зародилась мысль о самозванстве (в оркестре возникает широкая песенная тема царевича Димитрия; в дальнейшем она будет сопровождать не только каждое упоминание об убитом младенце, но и каждое появление самозванца). Звонят к заутрене. Пимен уходит. В келье остается один Григорий.

Картина вторая

Корчма на литовской границе. Сценическому действию предшествует оркестровое вступление: одна за другой проходят три темы, характеризующие беглых монахов Варлаама и Мисаила и сопутствующего им самозванца, через заставу пробирающегося в Литву.

При открытии занавеса хозяйка корчмы, прихорашиваясь, напевает веселую, разбитную песенку о сизом селезне («Поймала я сиза селезня»). За сценой раздаются голоса, выпрашивающие подавание. Входят «старцы честные» Варлаам и Мисаил и с ними переодетый в крестьянскую одежду Григорий. Пока хозяйка готовит угощение, Варлаам пытается выведать у Григория причину его озабоченности... Со стаканом вина в руке монах поет разудалую песню о походе грозного царя на Казань-город («Как во городе было во Казани»). Горечь, беспросветная тоска, доведшие его до пьяного зелья и бродяжничества, слышатся в другой песне Варлаама («Как едет ён»), которую он поет, уже окончательно охмелев, грузно привалившись к столу.

Тем временем Григорий выспрашивает у хозяйки, как пробраться в Литву, и узнает, что повсюду расставлены заставы: «Кто-то бежал из Москвы, так велено всех задерживать да осматривать». Неожиданно раздается стук в дверь, и в корчму вваливаются пристава, о приближении которых еще заранее можно догадаться по тупому понукающему мотиву. Испуганные монахи вскакивают и медоточиво голосят: «Божии иноки, старцы смиренные, ходим по селеньям, собираем милостыньку...». Вид Варлаама внушает приставам надежду на поживу. Достав указ о бежавшем еретике Гришке Отрепьеве, они суют его оторопевшему монаху. Как единственный грамотей среди присутствующих, Григорий вызывается прочесть указ. Поглядывая на Варлаама, он перечисляет его приметы: «...лоб плешивый, борода седая, брюхо толстое, нос красный». На Варлаама набрасываются, но, отбросив всех в сторону, бродяга выхватывает у Григория указ и решает прочесть сам: «Хоть по складам умею, а уж разберу, коль дело до петли доходит». Обман изобличен. Самозванца узнали. Но, замахнувшись кинжалом, он выскакивает в окно и, воспользовавшись общей суматохой, удирает.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Царский терем в Московском Кремле. Ксения, дочь Бориса Годунова, неутешно плачет по своему погибшему жениху. Стараясь ее развеселить, мамка поет ей песенку про комара («Как комар дрова рубил»). Федор, сын Годунова, придумывает игру в хлест. Неожиданно входит Борис. Ласково утешает он горящую Ксению, с любовью смотрит на сына, склонившегося над картой «чертежа земли московской». Тяжелые неотступные думы терзают измученное сердце Бориса. «Ни жизнь, ни власть» не веселят его душу, снедаемую угрызениями совести. Мысль об убитом царевиче ввергает его в ужасное смятение.

Монолог Бориса прерывают внезапные крики за сценой («Кыш, кыш»). Вошедший боярин докладывает о приходе князя Василия Шуйского и сообщает о его тайном заговоре

против Бориса, а возвратившийся Федор объясняет причину происшедшей суматохи — попинька «поклевал» всех мамок, они и подняли шум...

Входит Шуйский. Плут и интриган, заклятый враг Годунова — таким рисует его музыка Мусоргского. С притворным сожалением вкрадчиво сообщает он о появлении в Литве самозванца, нарекшего себя царевичем Дмитрием, и с тайным умыслом поразить большое воображение Бориса рассказывает ему подробности убийства царевича. Борис не выдерживает: «Довольно!» Шуйский уходит, внутренне торжествуя победу. Бьют куранты: в их таинственно-дразвящей музыке галлюцинирующему Борису кажется, будто что-то «колышется, растет, близится...», и он видит перед собой окровавленного младенца. Драматизм достигает апогея: «Чур, чур!... Не я.., не я твой лиходея!».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина вторая*

Замок Мнишеков в Сандомире. Сад. Фонтан. Лунная ночь. Сюда, на свидание с самозванцем, должна придти Марина. Воссоздавая поэзию ночи, звучит упонительное симфоническое вступление. Самозванец мечтает о своей возлюбленной. Но вместо нее из-за угла замка показывается крадущаяся фигура иезуита Рангони. Лукавыми речами он подогревает в самозванце его пылкую страсть к Марине и честолюбие.

Под звуки полонеза через сад проходит пышная кавалькада гостей. Впереди Марина под руку со старым паном. Воинственные кавалеры бахвалятся предстоящим покорением Московского царства и пьют за здоровье Мнишков. Но вот голоса смолкают, и на сцене вновь появляется самозванец. Навстречу ему выходит Марина. Красавица высмеивает и резко обрывает начавшиеся было любовные излияния своего избранника. Не для того, чтобы слушать нежные речи любовника, пришла она к нему на свидание: из-за любви, обвиняет она его, он забыл и думать о престоле, о борьбе с царем Борисом.

Но «гордая полячка» зашла слишком далеко. Оскорбленный самозванец напоминает ей о своем царском призвании. Воинственно звучит тема царевича. Спеша исправить ошибку, Марина клянется самозванцу в нежной любви и торопит его двинуть свои полки на Москву.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Площадь перед собором Василия Блаженного в Москве. В соборе проклиная самозванца. Группы обнищавшего народа бродят по площади и, не обращая внимания на мелькающих там и сям приставов, живо между собой переговариваются. Народ жадно ловит слухи о победах самозванца. Никто не верит, что Гришка — самозванец. Для всех это

* Картина первая в покоях Марины в Сандомире в постановке Большого театра опущена.

спасшийся царевич. Рассказ Митюхи о том, как здоровенный дьякон провозгласил Гришке анафему, вызывает общий смех: «Царевичу плевать, что Гришку проклинают... Уже под Кромами, бают, подошел!... На помощь нам, на смерть Борису и борисовым щенкам». Старики останавливают неосторожных, напоминая о дыбе и застенке.

На сцену вбегает преследуемый толпой мальчишек юродивый в веригах. Усевшись на камень, он поет бессмысленную, жалобную песенку: «Месяц едет, котенок плачет». Озорники-мальчишки окружают юродивого, отнимают у него копеечку и убегают. Юродивый заливается горькими слезами. Стоном стонет голодный люд. Из собора показывается Борис, за ним Шуйский, бояре. Со всех сторон тянутся к нему руки, молящие о хлебе: «Хлеба, хлеба! Дай голодным!» Затаенная угроза слышится в этих страшных воплях народного отчаяния. Хор затихает, снова переходя в плач юродивого. Сурово звучит скорбный лейтмотив Бориса из музыки его первого монолога. «Борис! а Борис! обидели юродивого... мальчишки отняли копеечку, велика их зарезать, как ты зарезал маленького царевича», — поет юродивый. Останавливая повелительным жестом Шуйского, приказывающего арестовать слабоумного, Борис просит юродивого молиться за него. — «Нет, Борис! Нельзя молиться за царя-Ирода!...»

Народ в ужасе расходится. Оставшись один, юродивый снова затягивает свою песенку, полную безысходной тоски: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие... Скоро враг придет и станет тьма...»

Картина вторая

Грановитая палата в Московском Кремле. На заседании боярской думы принимается решение сотворить суд над «разбойником, вором и бродягою» — самозванцем. Все сожалеют, что нет Шуйского. Появляющийся Шуйский рассказывает боярам о кошмарных видениях Бориса. Его рассказ прерывает появление царя. Измученный, с полубезумным взглядом, Борис отгоняет от себя преследующий его призрак: «Чур, чур, дитя!...»

Придя в себя, Борис обращается к боярам за советом и помощью. Шуйский просит позволения ввести старца, желающего поведать царю великую тайну. В оркестре появляется суровая тема старого летописца. Входит Пимен и, остановившись, пристально смотрит на Бориса. Он рассказывает о чуде на могиле царевича.

Его рассказ о мертвом царевиче, которого народ причислил к мученикам, звучит как приговор над царем-убийцей. С криком «Душно!» Борис падает без чувств. На зов умирающего вбегает царевич Федор. «Прощай, мой сын! Умираю...», — торжественно, исполненные царского величия, звучат последние напутственные слова... За сценой раздаются протяжный удар колокола и погребальный перезвон, поют певчие. «Вот, вот ваш царь...», — указывает боярам на сына Борис и умирает...

Картина третья

Лесная прогалина над Кромами. Картину открывает большое, словно бешено крутящийся вихрь, вступление. Еще до поднятия занавеса слышны возбужденные крики. Толпа

тащит связанного боярина и сажает его на пень. Перед расправой решают «потехи ради повеличать» его. Хор заводит величальную песню: «Не сокол летит по поднебесью»... Окруженный мальчишками на сцену вбегает юродивый. Как и в сцене у храма Василия Блаженного, он поет свою жалобную песенку. Появляются Мисаил и Варлаам («Солнце, луна померкнули...»). С упорством заклинателей «долбят» они свой напев, возбуждая новый взрыв народной ненависти к Борису. Словно вышедшее из берегов море, несется и бурлит могучая песня народной вольницы. «Гай да! Расходилась, разгулялась сила молодецкая!...»

Неожиданно раздается стройное пение. Это поют свои латинские гимны шествующие впереди войск Димитрия польские проповедники. С криком «Души ворон проклятых» толпа бросается на иезуитов, вяжет их и тащит в лес. Незваных пришельцев спасает въезд самозванца. Славя «богом спасенного» царевича, толпа устремляется вслед за ним в Москву, «в златоверхий Кремль». Слышны глухие удары набата, вдали разгорается зарево пожара.

На сцене остается один юродивый со своим рваным латем. Словно голос самой земли, разносится его жалобный стон: «Горе, горе Руси! Плачь, плачь, русский люд».

* * *

Музыкальный критик В. В. Стасов назвал оперу Мусоргского «Борис Годунов» «шедевром, одним из величайших перлов русского народного искусства».

BORIS GODUNOV

A Musical Folk Drama in Four Acts

by Modest P. MOUSSORGSKY

"I look upon the people as a great personality inspired by one common idea. This is my aim and I have tried to achieve it in my opera". This is how the composer himself described the underlying idea of *"Boris Godunov"*.

In the opera the people, as the central "personage", are contrasted to Tsar Boris and the nobility. The conflict between these two irreconcilable forces is the dramatic leit-motif and both in the music and in the plot the opera culminates in the death of the Tsar as a logical consummation since Boris has lost the people's trust and support. The basic revolutionary idea is particularly manifest in the brilliantly conceived finale of the popular uprising in the Kromy forest. In this scene the powerful lay of the people's rebellious, devil-may-care spirit sweeps up as if brushing away everything in front of it, as a blast of popular indignation against Boris and his "litter", whom the people take as mainly to blame for all their suffering.

Even though it came after Glinka's *"Ivan Susanin"*, it was an unheard-of thing at the time to depict operatically the peasant masses so truthfully and give such prominence to them in the action as Moussorgsky did in *"Boris Godunov"*. This was the first time that a Russian opera provided a vehicle for the lamentations, anguish and revolutionary fury of the downtrodden common people.

It was V. V. Nikolsky, Professor of Russian language and history, who was first to suggest — in 1868 — that Moussorgsky, whose friend he was, compose an opera based on Alexander Pushkin's famous historical drama of the same name. By that year Moussorgsky was clearly displaying a yen to depict the life of the Russian people as it really was. He did so and besides adding many minor things introduced wrote the text. He was greatly assisted by the well-known music critic V. V. Stasov who supplied his favourite with folk-song texts, historical facts and valuable advice.

Moussorgsky completed his opera at the close of 1869 — with the scene of Boris's death being the finale at the time — and orchestrated it a few months later. However, it was rejected by the Opera House management.

The composer's friends implored him to revise his opera. He did so and besides adding many minor things introduced three new scenes — that in the apartments of Marina Mnishek in Sandomir, the "Fountain" scene and the scene of the popular uprising in the Kromy forest. He also considerably extended the scene in the Tsar's apartments in the Kremlin, incorporating new episodes, recounting of the way of life there which he had borrowed from Karamzin's "History of the Russian State". This included the nurse's "Gnat" song, Fyodor's narrative about the parrot, and the famous chimes. He also revised the original episodes as such, including the music to Xenia's lament and Boris's mono-

logue. The only scene excluded from the original version was the "St. Basil" one.

However the Opera House management again rejected the revised edition and it was only thanks to Y. Platonova, the singer, who said that she would break her contract with the Opera House unless *"Boris Godunov"* was produced, that the opera was permitted, having its first night at the Mariinsky Opera in St. Petersburg on January 27, 1874. However, before that three scenes from the opera, notably the "Inn" scene, the scene in Marina's boudoir and the "Fountain" scene, were given at the same Opera House as a benefit performance for the director G. P. Kondratyev. The Bolshoi Opera in Moscow gave *"Boris Godunov"* for the first time only in 1888, already after the composer's death, and without the "Cell" and "Kromy Forest" scenes.

In the 'nineties Rimsky-Korsakov revised and re-orchestrated the opera and during the 1898-99 season it was produced in Moscow at S. I. Mamontov's Theatre. K. Korovin provided the décor for the production, which included for the first time the "Cell" scene. The opera largely owed its success to Fyodor Chalyapin who sang Boris.

"Boris Godunov" is now performed by nearly all the opera houses in the USSR. This is a recording of the Bolshoi production which follows Rimsky-Korsakov's edition, however with the two last scenes, of Boris's death and the popular uprising in the Kromy forest, interchanged according to Moussorgsky's original conception, and, furthermore, including the "St. Basil" scene in M. M. Ippolitov-Ivanov's orchestration, which Rimsky-Korsakov had discarded from his edition.

PROLOGUE

Scene One. The orchestra strikes up even before the curtain rises an oppressively plaintive melody to describe the dire plight of the downtrodden people. In front of the Novo-Devichy Convent, the populace congregate lazily in small groups. They are puzzled as to why they have been told to gather together. To the accompaniment of a slow coercive motif, a police official appears and brandishing his club summons the people to fall onto their knees and implore Boris to take the throne. The people plaintively chant: "Why are you leaving us, our Father." The observant but stupid Mityukha is asked why the crowd is shouting. "How can I know"—Mityukha replies. The police official again shouts out, causing the throng to cry desperately. Meanwhile the womenfolk mutter: "The cursed fellow does not even give us time to take a breath."

Shchelkalov, the Secretary of the Duma, appears from the Convent and tells the populace of Boris's downright refusal to become Tsar. "The Boyar is inflexible!" he sings, "and Russia is in sorrow!"

... From afar one hears the chanting of wandering pilgrims who urge the people to attire themselves "in festive raiment" to welcome the Tsar.

Scene Two. A square inside the Moscow Kremlin. Bells are tolling. On their knees the townspeople forcedly

acclaim the new Tsar, with cries of "Glory to you, sun in the sky!" Boris Godunov appears on the porch of the Cathedral of the Assumption. He is depressed by a feeling of ill omen and this is sensed in his monologue: "My soul is weary." The Tsar is crowned with great pomp.

ACT I

Scene One. A cell in the Convent of Miracles. It is deep night and the aged monk Pimen is writing his chronicles to the light of a flickering wick. Asleep in the corner is the young novice Gregory. A short instrumental introduction resembling the whispers of night reproduces the monotonous rasping of the scribe's quill. "Another legend and my chronicles will be complete," he sings. Day breaks and the chanting of the monks is heard backstage. In a sweat Gregory awakes and describes the horrible dream that haunted him all the night, a dream in which he saw himself climbing a steep staircase from the top of which he could see Moscow. "It is the young blood coursing in your veins," the old monk replies. Trying to mute the youth's ambitions, Pimen tells him of tsars and kings who often exchanged their "sceptres for the hermit's humble staff". Gregory is interested more in the death of the young Tsarevich Dimitry. "Had he lived he would have been of your age and would now reign." Upon hearing this Gregory starts. He is already thinking of pretending to the throne. The orchestra strikes up the broad melody of the Tsarevich Dimitry, which later will accompany not only every mention of the murdered infant, but also every appearance of the False Dimitry. The tolling of the bell summons the monks to the matins. Pimen departs. Gregory remains alone.

Scene Two. An inn on the frontier of Lithuania. The scene is preceded by an orchestral introduction incorporating three themes, characterising the fugitive monks Varlaam and Misail, and the False Dimitry who is with them, trying to make his way across the border into Lithuania.

As the curtain rises, the hostess of the inn, preening herself sings a gay song about a grey drake: "A grey drake I trapped." Backstage voices beg for alms. Varlaam and Misail enter, followed by Gregory dressed as a peasant. While the hostess gets ready to serve them, Varlaam tries to wheedle out of Gregory the cause of his anxiety. Waving a wine cup, the monk sings the boisterous song about the campaign which the dreaded Tsar undertook against the city of Kazan: "Once it happened in Kazan." Another song, "Here he comes", which he sings when already dead drunk, reveals the bitter misery that has caused him to become a sotted vagrant.

Meanwhile Gregory asks the hostess how to cross the border and learns that guards have been posted everywhere. "There is a fugitive from Moscow and orders have been issued to apprehend and examine everyone", she tells him. Suddenly there is a knocking at the door, and police officials enter. Their arrival may be guessed from the dull coercive motif. In a fright the monks spring up and chant in honeyed tones: "We are humble wandering pilgrims begging for alms." The police officials look suspiciously at Varlaam and draw-

ing out a warrant to arrest the fugitive heretic Gregory, show it to the startled monk. As the only literate person present, Gregory suggests that he read the warrant and glancing at Varlaam from time to time gives a description of him: "Bald, with a grey beard, fat paunch and crimson nose." The police officials make to seize Varlaam. However, hurling them aside, the vagrant seizes the warrant from Gregory's hands and decides to read it himself, saying: "Though I can hardly spell, I shall try to make it out, now that it is a matter of the noose for me." The deception is exposed and the False Dimitry is recognised. He draws his dagger, leaps from the window, and taking advantage of the general confusion makes good his escape.

ACT II

The Tsar's apartments in the Moscow Kremlin. Xenia, Boris Godunov's daughter, bewails inconsolably the death of her bridegroom. To distract her the nurse sings the "Gnat" song ("Once a gnat was chopping wood"). Meanwhile Boris's son Fyodor starts a game. Suddenly Boris enters. He tenderly consoles the weeping Xenia and glances affectionately at his son who is bowed over a map of Muscovy. Boris is tormented by grievous, haunting thoughts. "Neither life nor power" can alleviate his bitter pangs of conscience. Every thought of the murdered Tsarevich fills him with horror.

He is interrupted by sudden cries backstage. A Boyar enters to report the coming of Prince Vasily Shuisky and to tell Boris of a secret plot against him. Meanwhile Fyodor, who has returned, explains that the noise was due to the parrot, which had pecked at all the nurses.

Shuisky enters. The music depicts him as an intriguing scoundrel and sworn enemy of Godunov. With feigned regret he whispers into the Tsar's ear that a False Dimitry has appeared in Lithuania and, desirous of inflaming Boris's morbid mind, tells him the details of the Tsarevich's murder. Boris cannot bear it and waves Shuisky away. The latter, inwardly triumphant, makes his exit. Chimes ring forth and in his hallucinations Boris thinks that their mysterious tolling signifies something "breathing, growing and drawing nigh" and he sees the apparition of the blood-stained infant. His agony reaches full pitch with the words: "It was not I who murdered you!"

ACT III

Scene Two. (The Bolshoi production discards the first scene which takes place in Marina's apartments in the Sandomir castle.)

It is a moonlit night in the gardens in front of the Sandomir castle of the Mnisheks. Marina is about to meet the False Dimitry in front of the fountain. A languorous symphonic introduction reproduces the poetic charm of night. As the False Dimitry sings of his mistress, Jesuit Ragoni surreptitiously steals forth from beyond the corner and with wily flattery fans the False Dimitry's passion for Marina and his ambitions.

To the strains of a Polonaise, sumptuously attired guests enter. In front is Marina arm-in-arm with an aged nobleman. With war-like cries the Polish knights brag of their coming victory over Muscovy and toast the Mnisheks. They depart and the False Dimitry returns. Marina comes out to meet him. She scorns and abruptly interrupts the amorous outpourings of her lover. Incensed, the False Dimitry reminds her that he will become Tsar. The Tsarevich theme meanwhile reaches forte. Marina retracts her words, swears everlasting fidelity, assures the False Dimitry of her love, and urges him to lead his hosts without delay against Moscow.

ACT IV

Scene One. The square in front of St. Basil's Cathedral in Moscow. While the False Dimitry is being anathematized inside the Cathedral, groups of beggarly-clad townfolk saunter to and fro and oblivious of the police officials animatedly converse. They eagerly thirst for news of the False Dimitry's victories. They cannot believe that this is not the real Dimitry. When Mityukha recounts the deacon's anathema of Gregory, there is a burst of laughter: "The Tsarevich cares not a fig for the anathema on Gregory. He is close on Kromy forest", they say. "He is coming to our help to do death to Boris and his litter." The older people meanwhile warn the imprudent of the torture chambers.

A Simpleton, wearing the chains of penance, runs in pursued by a crowd of tormenting urchins. Perching himself on a rock he sings an inane plaintive song "The crescent moon is coming and the kitten is crying". Meanwhile the boys rob him of his penny and run away. The Simpleton weeps bitterly while the starving folk groan and cry. Boris followed by Shuisky and other noblemen appears from the Cathedral. From every side hands are stretched towards him begging for bread: "Bread, bread, give the hungry bread!" There is a hidden threat in these fearful, desperate cries. The chorus stops and we again hear the sobbing of the Simpleton and the austere grieving leit-motif from the music to Boris's first monologue. "Boris! Boris! The Simpleton has been mistreated. Little children have robbed him of his penny. Order that they be murdered as you murdered the little Tsarevich," the Simpleton sings. Checking with an imperious gesture Shuisky's order to arrest the halfwit, Boris asks the Simpleton to pray for him. "No, Boris, I cannot pray for a Herod!" — the latter returns. In horror the populace disperse. Left all alone the Simpleton again resumes his sad song: "Fall, fall you bitter tears! Soon the foe will come and all will be in darkness."

Scene Two. The Palace of Facets in the Moscow Kremlin. A session of the Duma. The Boyars debate what judgement shall be made to the "robber, thief and vagrant," the Pretender. All regret that Shuisky is not among them. Shuisky appears and tells the Boyars of Boris's nightmares. Suddenly Boris himself appears. With an insane gleam in his eyes he makes to chase away the haunting apparition.

When he comes to his senses he asks the Boyars for counsel and help. Shuisky begs an audience for an aged

monk who wants to tell the Tsar a great secret. The orchestra strikes up the theme of the old chronicler. Pimen enters and stopping short, stares long and hard at Boris. He relates to him the tale of the wonder which took place at the tomb of the Tsarevich.

His story of the murdered Tsarevich whom the people have ranked among the martyrs, rings out as a verdict against the Tsar, the murderer. With the cry "It is stifling here!" Boris falls unconscious. As he dies he calls out for his son, Tsarevich Fyodor, who runs in. "Farewell my son! I am dying!" he sings and full of kingly grandeur comes his last solemn message. Backstage we hear the funeral tolling of bells and the chanting of a hymn. "He is your Tsar," Boris says, pointing to his son and expires.

Scene Three. A clearing in the forest of Kromy. There is a short whirlwind introduction and we hear excited cries even before the curtain rises. The crowd bring in a Boyar tied hand and foot and seat him on a tree stump. They taunt him, chanting a mock eulogy in his honour. The Simpleton, amidst a throng of urchins runs in and sings the same plaintive song that he sang in the "St. Basil" scene. Varlaam and Misail appear and pig-headedly continue their chanting: "The sun and moon have gone out," thus evoking a fresh gust of popular wrath against Boris. The mighty strains of this song of the people's freedom swirl up like a sea that has overflowed its banks. "Heigh-ho, make merry and free!" the chorus goes.

Polish priests in advance of Dimitry's troops enter chanting Latin anthems. With shouts of "strangle the cursed crows" the crowd attack the Jesuits, bind them and drag them into the woods. The uninvited monks are saved by the False Dimitry and glorifying the "God-saved" Tsarevich, the crowd rush after him "to Moscow, to the gold-domed Kremlin." The tocsin is heard and in the distance the flames of a conflagration are seen. The Simpleton alone remains on the scene. And as if the country itself is crying out we hear the Simpleton lamenting the fate of Russia: "Woe, Oh, Woe! Cry, cry ye Russian folk!"

* * *

V. V. Stasov called Moussorgsky's opera "*Boris Godunov*," "a masterpiece, one of the greatest gems of Russian folk art."

M. P. Moussorgsky

BORIS GODOUNOV

Drame lyrique populaire en 4 actes

« Je conçois le peuple comme un grand personnage animé par une idée unique. C'est le problème que je me suis posé. J'ai tenté de le résoudre dans l'opéra ». C'est ainsi que Moussorgsky a déterminé la conception idéologique de son opéra « *Boris Godounov* ».

Le peuple — principal personnage de l'opéra est opposé au tsar Boris et aux boyards. Ce sont deux forces inconciliables dont la collision donne naissance à l'élément dramatique de l'oeuvre toute entière : privé du soutien et de la confiance du peuple, le tsar Boris doit périr. C'est à cela que mène le développement dramatique et musical de l'opéra. C'est au tableau final, dans la scène géniale de la révolte populaire « Aux approches de Kromy » que sa conception révolutionnaire se révèle avec le plus de vivacité. L'indignation populaire contre Boris et ses « chiots », en lesquels le peuple voit les principaux fauteurs de tous ses malheurs, explose en un puissant chant sur la bravoure et la force de révolte du peuple, et qui se répend, balayant tout sur son chemin.

Même après l'opéra « *Ivan Soussanine* » de Glinka il était inouï de montrer avec autant de véracité sur la scène d'opéra la masse populaire paysanne et de lui accorder une place tellement importante dans la construction de l'action, comme l'a fait Moussorgsky dans son « *Boris* ». Les plaintes du peuple opprimé, ses gémissements, sa fureur révolutionnaire ont pour la première fois retenti dans l'opéra russe.

L'idée d'écrire un opéra ayant pour sujet le drame du même nom de A. Pouchkine a été suggérée à Moussorgsky par son ami V. Nikolsky, professeur de littérature russe et d'histoire. Cela se passait en 1868. A cette époque déjà, le penchant de représenter la vie populaire russe se manifestait nettement dans l'oeuvre de Moussorgsky. C'est avec une ardeur inaccoutumée que le compositeur se saisit du sujet d'opéra historique qui lui a été proposé. Tout en composant la musique, Moussorgsky écrivait lui-même le libretto. Dans tous ces travaux, il était grandement aidé par le célèbre critique musical V. Stassov. Celui-ci recherchait pour son favori les textes des chansons populaires, lui communiquait des renseignements de différentes sources historiques, lui prodiguait des conseils concrets de grande valeur.

Vers la fin de 1869 l'opéra était achevé (à cette époque l'opéra se terminait par la scène de la mort de Boris), et quelques mois plus tard, l'oeuvre était instrumentée. Cependant, l'opéra que le compositeur présenta au jugement de la direction théâtrale fut rebuté.

Sur l'insistance de ses amis, Moussorgsky se mit au travail et remania de fond en comble son opéra. A part les nombreuses intercalations et les compléments, le compositeur introduisit dans son opéra les scènes suivantes : chez Marina Mnichek à Sandomir ; près de la fontaine et le soulèvement populaire aux approches de Kromy. La scène dans la maison

du tsar a été profondément remaniée, elle a été notablement élargie comparaison faite à sa rédaction initiale. De nouveaux épisodes dépeignant les coutumes de la maison du tsar, que Moussorgsky emprunta à « L'histoire de l'Etat Russe » de N. Karamzine (Chanson de la nourrice sur le « moustique », le « jeu du fouet », le conte de Fédor sur le petit pape, les fameux carillons), ont été introduits dans l'opéra ; les épisodes faisant partie de la première rédaction (la musique d'introduction aux lamentations de Xénia, le monologue de Boris) ont également été refaits. Il n'y a que la scène près de la cathédrale de Vassili-le-Bienheureux faisant partie de la première variante de l'opéra qui n'entra pas dans la seconde rédaction.

Présenté une deuxième fois au théâtre, l'opéra a été de nouveau réjeté et ce n'est que grâce à l'artiste V. Platonova qui posa comme condition de sa présence au théâtre la mise en scène de « *Boris Godounov* », que l'opéra a été autorisé.

La première eut lieu le 27 Janvier 1874 sur la scène du théâtre Mariinsky à Pétersbourg. Auparavant, on y a donné au bénéfice du metteur en scène G. Kondratiev trois tableaux de l'opéra : « La scène dans l'auberge », « La scène au boudoir de Marina » et « La scène près de la fontaine ». Ce n'est qu'après la mort de Moussorgsky en 1888 que « *Boris Godounov* » a été pour la première fois mis en scène au théâtre Bolchoï à Moscou. A cette époque, l'opéra était joué sans les scènes « dans la cellule » et « aux approches de Kromy ».

Dans les années 90, N. Rimsky-Korsakov a complètement revu l'opéra et l'a de nouveau orchestré. Durant la saison 1898-99, l'opéra a été mis en scène à Moscou au théâtre S. Mamontov. Les décors ont été exécutés d'après les esquisses de K. Korovine, la scène de la cellule a été pour la première fois incluse. F. Chaliapine qui interpréta le rôle de Boris a dans une grande mesure contribué au succès de l'opéra.

En URSS, « *Boris Godounov* » est joué dans presque tous les théâtres d'opéra.

Le présent enregistrement reproduit l'opéra tel qu'il est interprété au théâtre Bolchoï. L'opéra est exécuté dans la rédaction de Rimsky-Korsakov, mais avec l'inversion des deux derniers tableaux — la scène de la mort de Boris et celle du soulèvement populaire aux approches de Kromy qui sont jouées conformément à la conception de Moussorgsky. A part cela, la scène devant la cathédrale de Vassili-le-Bienheureux, instrumentée par M. Ippolitov-Ivanov qui manque dans la version de Rimsky-Korsakov a été de nouveau incluse dans l'opéra.

PROLOGUE

Premier tableau. Avant la levée du rideau, on entend une mélodie traînante, d'une tristesse accablante, la mélodie d'un peuple opprimé et malheureux. Celui-ci se rassemble par petits groupes près du monastère Novodévitchi ; les mouvements des gens sont mous, leur démarche est indolente. Personne ne sait au juste pourquoi les a-t-on fait venir ici. Mais voici qu'apparaît le commissaire de police accompagné d'une musique lourde, coercitive (« l'air de la contrainte »). Menaçant d'une matraque, il ordonne au peuple

de se mettre à genoux et de prier Boris de monter sur le trône. Le peuple se lamente: «A qui nous abandonnes-tu, notre père». Des gens demandent au niais Mitioukha qui à cependant l'esprit observateur: «Mitioukh, dis Mitioukh, pourquoi hurle-t-on?» — «Voilà l'affaire, qu'en sais-je!» Un nouvel appel du commissaire oblige la foule de hurler à nouveau. «Il ne nous laissera pas souffler, le damné» — se plaignent à la dérobée les vieilles femmes.

Chtchelkalov, clerc de la Douma, apparaît aux portes du monastère. S'adressant au peuple il parle de la mauvaïse volonté péremptoire de Boris de devenir tsar: «Le boyard est inexorable!... La Russie est affligée... Affliction inconsolable...»

De loin arrive le chant des infirmes ambulants. Les saints pères ordonnent au peuple de «revêtir les chasubles claires» et de «sortir à la rencontre du tsar!».

Deuxième tableau. La place du Kremlin de Moscou. Les cloches sonnent à toute volée. Le peuple agouillé célèbre le nouveau tsar: «Gloire au soleil rouge dans les cieux!» Boris Godounov apparaît sur le parvis de la cathédrale Ouspenski. Une frayeur involontaire, un pressentiment sinistre paralysent son cœur. Ces craintes transparissent dans chaque intonation de son monologue princier («Mon âme est affligée...»). Le tableau s'achève par la cérémonie solennelle du couronnement.

PREMIER ACTE

Premier tableau. La nuit est tombée. L'action se passe dans une cellule du monastère de Tchoudovo. Le moine Pimène écrit à la lumière d'une lampe à huile. Grigory, un jeune moine, dort dans un coin. Une courte introduction musicale, ressemblant au bruissement de la nuit, reproduit le crissement monotone de la plume du moine annaliste: «Encore une dernière légende et mes annales sont achevées...» — prononce-t-il. Le jour commence à poindre. Le chant des moines se fait entendre derrière le rideau. Grigory se réveille tout en émoi. Toute la nuit un rêve l'a obsédé, dit-il, «je gravissais un escalier raide et de son sommet je pouvais observer toute Moscou». «C'est le sang jeune qui pétille» lui répond le vieux moine. Pour faire oublier les pensées ambitieuses du jeune homme, Pimène lui parle de tsars qui souvent troquaient «leur crosse de tsar pour un humble froc de moine». Grigory est particulièrement intéressé par la mort du tsarévitch Dimitri. «Il aurait été du même âge que toi et aurait régné...» A ces mots Grigory tréssaille — l'idée d'une imposture vient de naître en lui (le thème large du chant du tsarévitch apparaît à l'orchestre; plus loin ce thème accompagnera non seulement chaque mention de l'enfant tué, mais aussi chaque apparition de l'imposteur). Les carillons sonnent les matines. Pimène sort. Grigory reste seul dans la cellule.

Deuxième tableau. Une auberge sur la frontière lituanienne. L'action est précédée d'une introduction de l'orchestre: trois thèmes passent l'un après l'autre, caractérisant les moines évadés Varlaam et Missaïl ainsi que l'imposteur qui les accompagne, qui tentent de passer le poste frontière de Lituanie.

Au lever du rideau, la patronne de l'auberge qui se fait belle, chante une joyeuse chanson où il est question d'un beau canard bleu («J'ai attrapé un canard bleu»). On entend derrière la scène des voix demandant l'aumône. Entrent les «moines honnêtes» Varlaam et Missaïl et avec eux Grigory travesti en paysan. Pendant que la patronne prépare la collation Varlaam essaie de sonder la cause du tracas de Grigory... Un verre de vin à la main, le moine chante une chanson hardie sur la campagne du tsar terrible sur Kazan («Comme il en fut dans la ville de Kazan»). L'amertume, la mélancolie noire qui le poussèrent au poison de l'ivresse et au vagabondage retentit dans une autre chanson de Varlaam qu'il chante déjà en état d'ébriété.

Pendant ce temps, Grigory cherche à soutirer à la patronne comment passer en Lituanie et apprend que partout veillent des gardes-frontières: «Quelqu'un s'est échappé de Moscou et il y a ordre d'arrêter et de vérifier tout le monde». Soudain, on frappe à la porte et des commissaires font irruption dans l'auberge. On devine d'avance leur approche d'après le thème obtus et coercitif de la musique. Les moines effrayés se lèvent brusquement et se lamentent mielleusement: «Nous sommes d'humbles moines, nous quêtons l'aumône de village en village...» L'aspect de Varlaam inspire aux commissaires un espoir de profit. Tirant de leur sacoche l'oukase sur le fuyard hérétique Grichka Otrépiève, ils le donnent au moine abasourdi. Etant l'unique lettré de l'assistance, Grigory se propose pour lire l'oukase. Jetant des regards sur Varlaam, il énumère ses signes distinctifs: «...front pelé, barbe grise, ventrate gros, nez rouge». On se précipite sur Varlaam, mais rejetant tous, le vagabond arrache des mains de Grigory l'oukase et décide de le lire tout seul: «Je ne lis que par syllabes mais je déchiffrerais sur le champs tant qu'il y va de la potence». La supercherie est découverte. L'imposteur est reconnu. Mais, levant son poignard, il saute par la fenêtre et, profitant du remue-ménage général, il s'enfuit.

DEUXIEME ACTE

La maison du tsar au Kremlin de Moscou. Inconsolable, Xénia, fille de Boris Godounov, pleure son fiancé qui a péri. Essayant de l'égayer, la nourrice lui chante la chanson du moustique («Comment le moustique cassait du bois»). Fédor, fils de Godounov invente un jeu au fouet. Boris entre inopinément. Il console tendrement Xénia désolée, regarde avec amour son fils penché sur la carte des «terres moscovites». De graves pensées pressantes torturent le cœur tourmenté de Boris. «Ni la vie, ni le pouvoir» n'égayent son âme, dévorée par des remords. Chaque pensée sur le tsarévitch assassiné le jette dans un affreux désarroi.

Ce monologue est interrompu par des cris soudains qui retentissent derrière la scène («Kych, Kych»). Un boyard entre, annonce l'arrivée du prince Vassili Chouisky et communique que celui-ci trame en secret un complot contre Boris, tandis que Fédor de retour explique les raisons du tohu-bohu qui eut lieu quelques instants auparavant — le petit pope a «bécoté» toutes les nourrices, ce sont elles qui ont soulevé tout ce bruit...

Chouisky entre. Fripon et intrigant, ennemi juré de Goudounov — c'est ainsi que la musique de Moussorgsky le dépeint. C'est avec regret feint que Chouisky annonce d'un air insinuant l'apparition en Lituanie d'un imposteur qui se nomme tsarévitch Dimitri et avec l'intention secrète d'étonner l'imagination malade de Boris, il lui raconte des détails du meurtre du tsarévitch. Boris ne résiste pas et ordonne à Chouisky de s'en aller. Chouisky part tout en chantant victoire en son fond intérieur. Les carillons sonnent : Dans leur musique mystérieuse, Boris, sous l'emprise d'hallucinations, croit entendre quelque chose « qui palpète, qui grandit, qui se rapproche... » et il voit devant lui l'enfant ensanglanté. Le caractère dramatique du moment atteint son apogée : « Halte, halte! ... Ce n'est pas moi ton malfaiteur ».

TROISIEME ACTE

Deuxième tableau*. Le château de Mnichek à Sandomir. Un jardin au clair de lune. Une fontaine. Marina doit y venir au rendez-vous avec l'imposteur. Une introduction symphonique enchanteresse reconstitue la poésie nocturne. L'imposteur songe à sa bien-aimée. Mais à la place de cette dernière, c'est la silhouette du jésuite Rangoni se déplaçant à pas de loup, qui apparaît. Par des discours pleins de malice, celui-ci réchauffe chez l'imposteur son ardente passion pour Marina et son ambition.

Une cavalcade somptueuse d'hôtes passe par le jardin sous les accents d'une polonaise. Au devant Marina au bras d'un vieux seigneur polonais. Des chevaliers belliqueux fanfaronnent sur leur conquête future du royaume de Moscou et boivent à la santé des Mnichek. Mais les voix se taisent et l'imposteur réapparaît sur scène. Marina vient à sa rencontre. La belle se rit des épanchements amoureux de son élu et coupe court à ses effusions. L'imposteur offensé lui rappelle sa mission de tsar. Le thème du tsarévitch retentit d'une manière belliqueuse. Se hâtant de réparer sa faute, Marina jure de son amour à l'imposteur et l'appelle à ordonner aux troupes de se mettre immédiatement en route sur Moscou.

QUATRIEME ACTE

Premier tableau. La place devant la cathédrale de Vassili-le-Bienheureux à Moscou. Dans la cathédrale on damne l'imposteur, des groupes de gens réduits à la misère, déambulent sur la place et, ne faisant aucune attention aux commissaires qui apparaissent ça et là, discutent vivement entr'eux. Le peuple guette avidement les rumeurs sur les victoires de l'imposteur. Il ne croit pas que c'est un quelconque imposteur Grichka, pour eux c'est le tsarévitch qui a été sauvé. Le récit de Mitioukha comment le robuste diacre a proclamé l'anathème sur Grichka provoque le rire général : « Le tsarévitch n'a que faire de ce que Grichka soit damné! ... Déjà, dit-on il est arrivé aux approches de Kromy... Il vient à notre aide, mettre à mort Boris et ses chiots ». Les

* Le premier tableau représentant l'appartement de Marina à Sandomir manque dans la mise en scène du théâtre Bolchoï.

vieillards arrêtent les imprudents leur rappelant l'existence de l'estrapade et des géôles.

Sur scène surgit un garçon faible d'esprit portant des chaînes d'ascète et qui est poursuivi par la foule. S'asseyant sur une pierre il entonne une complainte dénuée de sens : « Le mois roule, le petit chat pleure ». Des enfants polissons entourent le faible d'esprit, lui prennent un kopeck et s'enfuient. Ce dernier se met à pleurer amèrement. Le monde affamé gémit. Boris apparaît sur le seuil de la cathédrale, derrière lui viennent Chouisky, puis les boyards. De toutes parts des mains suppliantes se tendent vers eux : « Du pain, donnez nous du pain! Donnez aux affamés! » Une menace cachée gronde dans ces cris déchirants de détresse populaire. Le chœur s'apaise et l'on entend à nouveau les pleurs du faible d'esprit. Le leitmotiv affligé de Boris tiré de la musique de son premier monologue, retentit avec austérité. — « Boris! dis Boris! on a offensé le faible d'esprit... les petits enfants lui ont enlevé un kopeck, ordonne donc de les massacrer comme tu as massacré le petit tsarévitch » chante le faible d'esprit. Arrêtant d'un geste impératif Chouisky, qui a ordonné de saisir le faible d'esprit, Boris demande à ce dernier de prier pour lui. — « Non Boris! on ne peut pas prier pour un tsar-monstre!... » Le peuple horrifié se disperse. Resté seul, le simple d'esprit tire à nouveau sa rengaine, pleine de mélancolie noire : « Coulez, coulez larmes amères... bientôt viendra l'ennemi et règneront les ténèbres... »

Deuxième tableau. Le Palais à facettes au Kremlin de Moscou. A la scène de la Douma des boyards, l'on décide de juger l'imposteur qui est « un brigand, un voleur et un vagabond ». Tous regrettent l'absence de Chouisky. Celui-ci vient et raconte les affreuses visions de Boris. L'apparition du tsar interrompt son récit. Le regard torturé, à moitié fou, Boris chasse le spectre qui le poursuit : « Halte, halte, enfant!... »

Revenant à lui, Boris s'adresse aux boyards en leur demandant conseil et aide. Chouisky demande l'autorisation de faire entrer un moine qui désire révéler au tsar un grand secret. L'orchestre joue le thème austère du vieil annaliste. Pimène entre et fixe les yeux à Boris. Il parle du miracle qui s'est produit sur la tombe du tsarévitch.

Son récit sur le tsarévitch mort, que le peuple a rangé parmi les martyres, résonne comme un verdict pour le tsar-assassin. C'est au cri : « J'étouffe! » que Boris tombe sans connaissance. Le tsarévitch Fédor accourt à l'appel du mourant. « Adieu, mon fils! Je meurs » Ses dernières paroles d'adieu sont pleines de solennité et de grandeur royale... Derrière la scène retentit un son de cloche prolongé puis on entend le carillon d'enterrement, le chœur chante. « Voilà votre tsar... », — dit Boris montrant aux boyards son fils et meurt...

Troisième tableau. Une clairière aux approches de Kromy. Le tableau est ouvert par une courte introduction qui passe comme un tourbillon effreiné. Encore avant la levée du rideau, l'on entend des cris de gens excités. La foule traîne le boyard lié et le place sur un billot. Elle décide pour se divertir de le « célébrer ». Le chœur entonne un chant plein de majesté. Le faible d'esprit, entouré d'enfants entre

en scène. Tout comme dans la scène près de la cathédrale de Vassili-le-Bienheureux, il chante toujours sa complainte. Varlaam et Missaïl apparaissent à leur tour. C'est avec un acharnement de conjurateurs qu'ils rabâchent leur air « Le soleil et la lune se sont obscurcis... » provoquant une nouvelle explosion de haine pour Boris. Le chant puissant de la liberté populaire se répend et tourbillonne, comme la mer qui déborde: « Heida, la force hardie s'est déchaînée... »

Soudain retentit un chant harmonieux. Ce sont les prédicateurs polonais qui précèdent les troupes de Dimitri et qui chantent leurs hymnes latins. C'est aux cris « Etrangle ces corbeaux damnés » que la foule se précipite sur les jésuites, les lie et les traîne jusqu' au bois. Les malvenus sont sauvés par l'apparition de l'imposteur: bénissant le tsarévitch « par Dieu sauvé » la foule se précipite à sa suite et va « vers Moscou, au Kremlin doré ». On entend les coups sourds du tocsin, au loin on aperçoit des lueurs d'incendie. Le faible d'esprit reste seul sur la scène. En croirait que la terre elle-même gémit quand il chante: « Malheur, malheur à la Russie! pleurs, pleurs, peuple russe! »

* * *

V. Stassov a appelé l'opéra « *Boris Godounov* » de Moussorgsky de « chef-d'oeuvre, une des perles sublimes de l'art populaire russe ».

MADE IN THE U.S.S.R.

33 1/3 об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-010953(a)

Вторая гр.-1
1-00

М. МУСОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839-1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Prologue, Scenes 1 and 2
I. PETROV (Boris Godunov), G. SHULPIN (Shuisky)
A. IVANOV (Shekalov), L. KTITOROV (Officer)
V. GORBUNOV (Mityukha)
A. IVANOVA and V. PETROVA (women)
Proclaiming Boyards—
Bolshoi Theatre Solists
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

33 1/3 об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-010954(a)

Вторая гр.-2
1-00

М. МУСОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839-1881)
Opera "BORIS GODUNOV"

Act I. Scene I

М. RESHETIN (Pimen)
V. IVANOVSKY

(Imposter by the name of Grigor)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-010955(a)

33 1/2 об. в мин.
Вторая гр.-3
1-00

М. МУСОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839--1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Act 1. Scene 2. Act 2
V. IVANOVSKY, A. GELEVA (Varlaam)
N. ZAKHAROV (Missail), L. KTITOROV
V. BORISENKO (The Hostess)
V. KLEPATSKAYA (Feodor)
T. SOROKINA (Kseniya)
E. VERBITSKAYA (The Nurse)
Bolshoi Theatre Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
ЗЗД—010956(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-4
1-00

М. МУССОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839—1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Act 2 (end)
I. PETROV, V. KLEPATSKAYA
T. SOROKINA, E. VERBITSKAYA
G. SHULPIN
A. MISHUTIN (The Court Boyard)
Bolshoi Theatre Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д—010957(a)

33 1/3 об. в мин.

Вторая гр.-5
1-00

М. МУСОРСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839—1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Act 3. Scenes 1 and 2
V. IVANOVSKY
I. ARKHIPOVA (Marina)
E. KIBKALO (Rangoni)
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

ТУ 35
ХП 558-63
ЗЗД-010958(a)

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.

Вторая гр.-6
1-00

М. МУСОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839-1881)
Опера "BORIS GODUNOV"
Act 3, Scene 2 (end), Act 4, Scene 1
I. PETROV, V. IVANOVSKY
I. ARKHIPOVA, G. SHULPIN
A. GRIGORYEV (The Idiot)
V. GORBUNOV
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

33 $\frac{1}{3}$ об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-010959(a)

Вторая гр.-7
1-00

М. МУСОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839-1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Act 4. Scene 2
I. PETROV, V. KLEPATSKAYA
G. SHULPIN, M. RESHETIN
Bolshoi Theatre Chorus and Orchestra
conducted by A. MELIK-PASHAYEV

MADE IN THE U.S.S.R.

33 1/3 об. в мин.

ТУ 35
ХП 558-63
33Д-010960(a)

Вторая гр.-8
1-00

М. МУССОРГСКИЙ. Опера «БОРИС ГОДУНОВ»
M. MUSSORGSKY (1839-1881)
Opera "BORIS GODUNOV"
Act 4. Scene 3
V. IVANOVSKY, A. GELEVA
N. ZAKHAROV, A. GRIGORYEV
A. MISHUTIN
Jesuits-Bolshoi Theatre Soloists
conducted by A. MELIK-PASHAYEV